

Из-во эго-футуристовъ

„Старованный Странникъ“.

АЛЬМАНАХЪ ОСЕННИИ.

(N 5)

АПОЛОГІЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

„Единственная безупречная форма лганья—это ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованья является ложь въ искусствѣ.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ.

Содержаніе альманаха.

Игорь Сѣверянинъ.—Стихи въ ненастный день.

Димитрій Крючковъ.—1) Газетнымъ поэтамъ,
2) Любите поэтовъ (поэзы).

Викторъ Ховинъ.—Елена Гуро.

Людыамъ изъ „биржевокъ“.

СТИХИ ВЪ НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ.

Въ ненастный день взойдетъ,
какъ солнце,
Моя вселенская душа!
(Заключительныя строки
„Громокипящаго кубка“).

I.

Я живъ, и жить хочу, и буду
Жить—безконечный—безъ конца.
Не подходите, точно къ чуду,
Къ чертамъ безсмертнаго лица:

Жизнь—въ нашей власти: мы доголѣ
Трепещемъ, бьемся и живемъ,
Пока въ насъ много ярой воли
Къ тому, что жизнью мы зовемъ.

Смерть торжествуетъ въ тѣ мгновенья,
Когда повѣрилъ ты въ нее,
И нѣтъ въ тебѣ сопротивленья:
Смерть—малодушіе твое,

Я не могу себѣ представить—
Всѣмъ ощущеньемъ, всей душой!—
Какъ можно этотъ міръ оставить, —
Молчать, истлѣть, не быть собой.

Я превозмогъ порывы гнѣва:
Убивъ другого—я убить...
А потому—любимецъ неба—
Прощу—чтобъ жить! всю боль обидѣ.

Я смѣль и прямъ, и простъ, и свѣтель
И смерти явно я бѣгу.
Я всѣхъ простилъ, я все привѣтилъ,
А большаго я не могу!..

Что значить жить? для васъ,—не знаю...
Жить для меня—вдыхать сирень,
Въ крещенскій снѣгъ стремиться къ маю,
Благословляя новый день!

Искать Ее, не уставая
И пѣть, и мыслить, и дышать.
Какія нови въ чарахъ мая!
Какая въ новяхъ благодать!

И сколько новей въ чарахъ мая,
Вѣдь столько-жъ пѣсенъ впереди.
Живи, живое восторгая!
Отъ смерти мертвое буди!

Но если ты, въ чьихъ мысляхъ узость,
Мнѣ скажешь: „трусъ“,—услышишь ты:
— Да здравствуетъ святая трусость
Во имя жизни и мечты!

II.

Во имя зорь весны грядущей
И вешняго разлива рѣкъ
Прости обидчика, живущій,
Какъ человѣка—человѣкъ.

Въ существованіе обиды
Душой и разумомъ не вѣрь,
Враждебныя эфемериды
Да изничтожатся теперь!

Да распылится самолюбье,
Какъ одуванчикъ золотой.
Цвѣти улыбка алогубья,
Эмблема жизни молодой.

Смѣлѣе къ ближнему съ привѣтомъ,
А встрѣтишь злобу—отойди,
Не осудивъ его при этомъ:
Людей такъ много впереди.

Непонимающій невиненъ,
Его винящій виноватъ.
Грядущій день весененъ, дивенъ,
Сирененъ, птиченъ, солнченъ, златъ!

И мая новыи май сюрпризѣи
Своею новью огневой.
Во имя ощущенья жизни
Люби живущее, живой!

Игорь Сѣверянинъ.

ГАЗЕТНЫМЪ ПОЭТАМЪ.

Отъ Инока Игорю-поэту и
брату.

Еще не значить быть измѣнникомъ
Былому алтарю служить,
Не быть толпы покорнымъ плѣнникомъ,
Вѣнки молитвенные вить,
Изъ славы подвига народнаго
Не извлекать себѣ доходъ,
Въ пылу свершенья благороднаго
До хрипа не кричать: «Впередъ!»
Все предназначено заранѣ
Одной Всесильною Рукой—
Лишь въ сверкѣ звѣзднаго сіянія
Отыскивай путь вѣчный свой!
Молися жарко въ темной келліи
Сплетая буквенную рать,
Пусть злоба въ яростномъ веселіи
Начнетъ главами покивать,
Пускай поэты пяточковые
Построчно дѣлятъ жаръ сердець—
Придутъ они, придутъ дни новые
И новый принесутъ вѣнецъ!
О, кто не знаетъ, что «единственный»
Въ сезонѣ каждомъ все иной —
Блюди, блюди твой даръ таинственный,
Какъ лебедь въ смерти слаще пой!

27. X 14.

Димитрій Крючковъ.

Любите поэтовъ, любите!
Недолго ихъ радостный хмель,
Недолго звенить карусель—
Любите поэтовъ, любите!
Печальная смолкнетъ свирѣль,
Порвутся блестящія нити—
Любите поэтовъ, любите
За пѣсни, за радость, за хмель!

Димитрій Крючковъ.

6. IX 1914.

ЛЮДЯМЪ ИЗЪ „БИРЖЕВОКЪ“.

Я презираю спокойно, грустно,
свѣтло и строго
Людей бездарныхъ: отсталыхъ,
плоскихъ, темно упрямыхъ.
Моя дорога, не ихъ дорога...

Игорь Свѣрянинъ.

Поэза Игоря Свѣрянина „Еще не значить быть измѣнникомъ—быть радостнымъ и молодымъ“, напечатанная въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ вызвала много шума и шумъ этотъ былъ преподнесенъ читателю газетой въ статьѣ „литературная брань“. О самой поэзѣ Свѣрянина говорить не будемъ,—дѣло совсѣмъ не въ ней, но о шумѣ, о поэтической брани сказать нѣсколько словъ необходимо.

Хитрая, замѣчательно хитрая газетка „Биржевыя Вѣдомости“;—помѣстила поэзу Свѣрянина и хоть бы словомъ обмолвилась, что вотъ молъ мы, „лучшая часть русскаго общества“ стихотвореніе Свѣрянина не одобряемъ, а ежели и печатаемъ, то руководствуемся самой наиблагороднѣйшей цѣлью—вопросъ, затронутый поэтомъ интересенъ, а объективность требуетъ и пр., и пр.;—объективность вообще слово прельстительное для газетчика. Но, однако, ничего этого „биржевка“ не написала, а сдѣлавъ пренаивную физиономію, поэзу Свѣрянина все таки напечатала въ сладостномъ предчувствіи: вотъ скандальчикъ то выйдетъ, вотъ шуму то будетъ, не оберешься...

Скандальчикъ дѣйствительно вышелъ; захлебываясь отъ восторга, газета сообщаетъ, что редакция получила 178 поэтическихъ откликовъ (въ скобкахъ сумма даже прописью написана), часть которыхъ приводится тутъ же и сопровождается соотвѣтствующимъ извиненіемъ, что теперь, когда жизнь торопится, есть другія темы и нужды насущныя, нетерпящія, но объективность и пр. пр...

Сто семьдесятъ восемь откликовъ! Каково?

„И у Игоря Свѣрянина нашлось очень мало приверженцевъ“. Восемь строкъ одного изъ послѣднихъ приводится въ статьѣ, но... газетка все таки небольшой подлогъ сдѣлала. О, конечно, сторонники Свѣрянина составляютъ значительно меньшую часть 178, но все же мы знаемъ, мы доподлинно знаемъ, что „въ защиту“ были стихи болѣе характерныя и убѣдительныя, чѣмъ помѣщенное. Впрочемъ и не въ этомъ дѣло, а вотъ отклики, отклики это и есть то, о чемъ поговорить хочется. Съ гнусенькимъ хамствомъ большинства изъ нихъ считаться не приходится, но кстати замѣчу, что хамства тамъ гораздо больше, чѣмъ самаго скромнаго и непритязатель-

наго таланта. Напрасно газетка радуется, что въ Петроградѣ „тьма тьмушая поэтовъ“, а эта тьма тьмушая, если стать только на ея же точку зрѣнія, наводитъ совсѣмъ на другія мысли.

Игорю Свѣрянину съ его „несвоевременными поэтами“ оправданіе есть, талантливый поэтъ и беречь его надо, а что дѣлаетъ тьма тьмушая, которая „гонитъ“ Свѣрянина на передовыя позиціи, этого мы понять не можемъ. Съ такими благородными чувствами и когда есть насущныя и нетерпящія нужды, неужели же оправданіе себѣ ищутъ въ откликахъ на поэзу „нестоящаго поэта“?

Впрочемъ и не въ этомъ дѣло, а главное—въ „благородныхъ чувствахъ“ и „возвышенныхъ“ словахъ.

О, вѣдь недаромъ же „Биржевка“, уличная кликуша, дала приютъ этой вульгарной пошлости, этимъ публичнымъ биржевочнымъ словамъ, этому плоскому остроумію...

Кто они, эти господа, столь наглые въ своихъ притязаніяхъ? Кто далъ имъ право требовать отъ поэта единодушія съ ихъ откликами, откликами рядовыхъ людей?

Критика, быть можетъ, и найдетъ оправданіе поэту; она навѣрное найдетъ его, если только столкнется съ пошлостью 178, которыхъ услужливая газета считаетъ выразителями лучшей части русскаго общества. Быть можетъ художническая совѣсть, не искушенная биржевочными настроеніями и не нуждается въ этихъ оправданіяхъ, а поэтическая индивидуальность, достаточно ярко выразившая себя, сама за себя отвѣчаетъ и диссонансъ свой съ откликами оправдываетъ?..

Къ тому же напрасно газетка пишетъ объ умершемъ футуризмѣ и о какомъ-то поэтикѣ, который обѣщаетъ вспомнить поэту нынѣшнее его выступленіе. Напрасно... Не грозите...

Если о многомъ говорить теперь не хочется, дѣйствительно не время, если о многомъ говорить не можемъ, то это мы въ будущемъ предъявимъ вамъ много счетовъ за «сегодняшнее»...

И это мы бросаемъ вамъ теперь свое гордое презрѣніе, вамъ людямъ изъ биржевокъ!..

Наше выступленіе.

Въ первой половинѣ декабря въ Петроградѣ состоится **поззвечеръ Игоря-Свѣрянина.**

Викторъ Ховинъ прочтетъ страницы на тему „*Футуризмъ и война*“. Исполнителями выступить поэты: Игорь-Свѣрянинъ (2 цикла поэзъ), Димитрій Крючковъ, Борисъ Богомоловъ, Андрей Виноградовъ, Александръ Толмачевъ и др.

ЕЛЕНА ГУРО.

(Посвящается О. М. В.)

Поэты пишут не для
зеркаль и не для стоячихъ
водъ.
Иннокентій Анненскій.

Вы смѣтаетесь?

О, да, это дѣйствительно смѣшно; это страшно смѣшно....

„Въ толпу насмѣшниковъ угодить изъ замковъ мечты и глядѣть испуганно голубыми глазами... И когда Рыцарь Печального Образа летѣлъ съ крыла мельницы—онъ очень обидно и унизительно дрыгалъ ногами въ воздухъ“...

Или, быть можетъ это вовсе былъ и не Донъ-Кихоть, а только Алонзо Добрый?

Смѣшной Алонзо Добрый, чудакъ долговязый, слетѣлъ съ крыла мельницы и разбился. Испугались голубые глаза и потухли.

Потухли... а на далекой, далекой голубой дымкѣ расцвѣла страна золотыхъ астръ и оттуда слова:

„Нѣтъ я живъ всегда; моя дорога дальше, дальше“...

А вотъ откуда-то съ высоты—не говорите, что это крыло мельницы, я навѣрное, навѣрное знаю, что изъ замковъ мечты, упалъ голубой цвѣтокъ; онъ тоже угодилъ въ толпу насмѣшниковъ и разбился, но остались нѣжные и застѣнчивые лепестки его...

Вотъ они, эти лепестки, такія нѣжныя и застѣнчивыя книги.

Нѣтъ это—не книги, а почти безсловесные обѣты, почти молчаливыя молитвы, полныя свѣтозарной радости и тоскующей печали.

Вы смѣялись, а она такъ бережно охраняла голубые лепестки съ золотыми рѣсницами, свои, настоящія свои слова.

Вѣдь Гуро обѣщала никогда не стыдиться самой себя, настоящей, что пишетъ стихи, которые никто не хочетъ печатать. Вѣдь это она дала свой странный обѣтъ: никогда не печататься въ вашихъ журналахъ, и не быть какъ всѣ, и не отнимать жизни у живогныхъ.

— Поэтъ даятель, а не отниматель жизни,—говоритъ Гуро и когда радостны ея молитвы—свѣтозарью осіянно все кругомъ, а когда печалуетъ она—съ грустью вышиваетъ на голубой дымкѣ, далекой, далекой узорчатая башни, островѣрхіями своими глядящія въ бездонную глубину небесъ.

„Ласкайте жизнь—приласкайте... Миръ былъ простъ и ласковъ, какъ голубь, и если бъ его приголубили, онъ сталъ бы летать“... Миръ

сталъ бы летать; онъ долженъ летать, для этого нужно только полюбить красоту такъ, какъ полюбила она. И не только полюбить, но молиться ей, жить ею и тогда каждое слово станетъ красотой,—словомъ молитвы.

Для этого нужно быть мечтателемъ, а вѣдь это немножко больно и очень стыдно быть мечтателемъ, быть долговязымъ чудаккомъ, смѣшнымъ верблюженкомъ въ мирѣ, который забыли приголубить и гдѣ злорадствуетъ ругатель жизни.

Быть мечтателемъ въ толпѣ маловѣровъ съ тѣсными душами, но не значить ли это—быть непрошеннымъ, быть лишнимъ, ибо въ мечтательствѣ есть нѣчто такое „отчего жизнь трезвая и порядочная показалась бы подловатой“.

И вы знаете, что она подловата, потому то вы такъ смѣтаетесь и такъ оскорбительно высоко бросаете: мечтатель, рыцарь печального образа...

„Земля, скажи, почему одна душа смолоду замолкнетъ, а другая душа поетъ, поетъ о тебѣ... Какъ это такъ живетъ, красуется и вдругъ замолкнетъ и живетъ безъ голоса, точно ей уже нечего больше сказать во всю жизнь“?..

Такія простыя и смѣшно наивныя слова и какъ-то стыдно становится тѣмъ, замолчавшимъ.

Но Гуро осталась вѣрна своему обѣту, обѣту высоты, полета и мечтательства. И это не просто мечтательство, а мечтательство молитвенное;—рыцарство безумія, фанатическое рыцарство гордаго безумія. Въ мирѣ умолкнувшихъ душъ, въ мирѣ позабывшемъ ласку ширится идущая изъ тайниковъ нашего сердца пѣсня, сливается она съ гуторомъ полнозвучно молчаливыхъ сосенъ и перезвономъ осеннихъ зорь и остывшая земля пронзывается горячими лучами исходящаго, разрывающагося любовью сердца.

А вы все продолжаете смѣяться, вы все не можете забыть, какъ смѣшно дрыгалъ ногами въ воздухъ Рыцарь Печального Образа, какъ неловокъ былъ неуклюжій верблюженокъ, когда встрѣтился съ вами въ вашемъ необласканномъ мирѣ. Вы правы, боясь узнать въ добромъ Алонзо—Рыцаря безумія, вы правы, смѣхомъ заглушая пѣсню его большой и широкой души...

„Потому что, когда то человѣкъ—ты предала свои мечты. Ты сдалась, ты забыла прежнее... Сказала: прошла молодость: мнѣ ужъ за тридцать, всѣ мы успокаиваемся. Но съ тѣхъ поръ тебѣ стали мучительны бѣлыя ночи. Стыдишься, ходя по саду плакать, молиться передъ кустомъ жасмина или стволомъ березы въ бѣлыя ночи“...

Ты предалъ свои мечты, человѣкъ..

Поэзія Гуро—единственная въ своей сокровенности поэзія материнства. Одно громадное свѣтлое чувство излучается изъ испуганныхъ, тревожныхъ материнской тревогою глазъ, и потому-то слова ея—молитвы, потому-то творческая жизнь—жертвоприношеніе, а пѣсни—горячіе обѣты. Мать всему, что живо, трепетно и крылато, она умѣетъ и отрекаться, отрекаться

отъ васъ умолкнувшихъ, отъ васъ—безъ ласки въ успокоившихся безтрепетныхъ глазахъ. Но какія безхитростныя слова находить она для крылатыхъ съ юными душами, для своихъ верблужать мечтателей, какія звенящія слова, о, вѣдь недаромъ же она мать всему звенящему.

Гуро часто стыдится своихъ, такихъ непривычно искреннихъ, упрощенныхъ словъ, она будетъ стыдиться, будетъ мучиться своей застѣнчивостью, но не откажется отъ нихъ, ибо какъ же можно жить и не пѣть, жить безъ голоса, своего настоящаго голоса? Гуро краснѣетъ и стыдится сама, когда заставляютъ краснѣть ея застѣнчивыхъ чудаковъ, но она ни за что не уступитъ вамъ ихъ со всѣмъ ихъ чудачествомъ.

„Скажи двѣнадцатилѣтній мальчикъ, что ты видишь, когда тебѣ говорятъ: „Будущее!“—Вѣдь поле, лугъ, солнце, рѣчку и лодку!..—Не груды же бумагъ и не ломберный столъ до разсвѣта каждую ночь въ накуренномъ клубѣ... Ну, такъ знай. Твоего будущаго тебѣ не дадутъ!!! Тебя обманываютъ“. И она, мать всѣхъ этихъ двѣнадцатилѣтнихъ, она не можетъ вынести этого обмана, не можетъ видѣть, какъ прячутъ міръ, частичку міра въ клѣтку, какъ оскорбляютъ жизнь.

Вѣчная юность, мальчишество дерзаний, взлеты гордыхъ крылій, весенніе шелесты звенящихъ душъ... Сколько красоты, сколько красоты, только бы не оскорбить, только бы не опорочить!...

Душу надо беречь и любить, такъ любить свои нѣжныя, свои хорошія слова и бросать ихъ навстрѣчу жизни, бросать ихъ навстрѣчу каждому мигу, и станутъ «миги живыми». И вѣчно быть поэтомъ, ибо какъ же можно жить и не пѣть, жить—и не плакать передъ кустомъ жасмина.

Мечтатели! Мать отъ васъ требуетъ клятвъ, требуетъ обѣтовъ вѣчной вѣрности лику прекрасной мечты.

Мечтатели! Вѣдь вы же отвѣчаете за жизнь, что случилось-бы съ нею, если бъ не ваше гордое рыцарство безумія?

Какъ же это такъ, если вдругъ уйдетъ синій, нѣжный цвѣтокъ, „уйдетъ необласканнымъ, его красота невыносимо весенняя уйдетъ незапечатлѣнной“...

Пусть смѣются надъ тобой, Рыцарь Печальнаго Образа, за эту заботу о синемъ, нѣжномъ цвѣткѣ, но душа твоя должна томиться отвѣтственностью за каждое уходящее незапечатлѣнное мгновенье, за каждую пушинку красоты... Тебѣ будетъ больно, будетъ часто больно, но мать твоя готова сберечь всѣ твои боли и за все отвѣтитъ сама:

— Не бойся, что больно, не бойся.

Вѣдь „радужные ключи отъ счастья“ все же у тебя.

Не бойся!

Все живое съ тобой, обогрѣтое твоею лаской, нѣжный, небесный верблуженокъ...

Все живое съ тобой и для тебя дышитъ лаской розовая, небесная проталина, предъ тобой восторженно склоняются вѣтви березъ.

Я не знаю поэта, такъ сліяннаго съ міромъ, какъ Гуро. Для этого нужно быть большимъ поэтомъ, чтобы такъ оживали души вещей.—На ласку ея безконечно нѣжно отвѣтила лаской душа міра.

Осеннія зори въ золотѣ листья, застывшіе, сумеречные зовы бѣлыхъ ночей, одинокія сосны, мальчишеская ласковость прибрежныхъ волнъ, все это такъ непорочно, такъ неуступно, ея материнское сердце дѣйствительно можетъ разрываться отъ любви и гордости.

Какая чаруйная, трепетная сила въ томъ, что вотъ не знаешь, часто о чемъ она говоритъ, то ли о нетронутой розовой проталинѣ, то ли о трогательно-нѣжномъ верблуженкѣ, о добромъ Алонзо. И когда ласкается она трепетно-бѣлое облачко, думается о бѣдномъ рыцарѣ, о томъ, кто раннимъ утромъ отошелъ ко сну...

Какъ это странно, какъ трогательно, что вотъ ея такіе безпомощные рисунки: одинокая сосенка, утопающая въ голубой лазури, потомъ лѣсная дорожка и мостикъ, а еще дальше набросокъ грустнаго, тонкаго верблуженка и еще какая-то башня—все какое то одно,—лѣсное, гордое, все „не тронь меня“. Или вотъ описываетъ она нѣжную кисть руки, такъ можетъ быть это и не рука, а грустная сосновая вѣточка, или говорить о синей, чистой полоскѣ на разстегнутомъ молодомъ воротѣ, такъ можетъ быть это и не полоска, а небесная проталина нѣжно обвилась вокругъ шеи...

Но несмотря на всю сліянность свою съ міромъ, несмотря на всю любовь къ весеннимъ крылатымъ созданиямъ его, Гуро—городская, вѣчно тревожная напряженностью города, вѣчно взволнованная шумами городскихъ улицъ. Только здѣсь, межъ каменныхъ тротуаровъ, среди истерическихъ всхлиповъ городской жизни, только здѣсь бродятъ такіе мечтатели съ лихорадочно-блуждающими взорами, только здѣсь рождаются эти странно звенящія слова—слова молитвы.

Только здѣсь, въ холодномъ свѣтѣ электрическихъ фонарей, души, изнывая по чужой ласкѣ, сами могутъ разрываться отъ своей ласковости ко всему грохочущему, чужому, въ электрическомъ вихрѣ кружащемуся по городу...

Только въ побѣдоносной механичности его, въ звукахъ коверкливыхъ городскихъ шарманокъ, среди мертвыхъ и замолкшихъ душъ, по волѣ Великаго Владыки города безвольно пребывающихъ въ вѣчномъ ажютажѣ, рождается безконечно большая любовь ко всему живому и жажда искренности, правдивости, всего того, что поетъ о тебѣ, земля!

И застѣнчивый, нелѣпый верблуженокъ, тоже дитя города—это его утренніе, торопливые шаги въ бѣломъ туманѣ.

„Куда ты бѣжишь?“... Я бѣгу къ искусству, я съ каждымъ шагомъ приближаюсь къ нему, мнѣ нипочемъ лужи, грязь и вѣтеръ“...

Гордое „не тронь меня“, а кругомъ плюется жизнь, кривляется рожа стараго чудища—толпы безголосыхъ, тѣхъ, кому „больше 30 лѣтъ“.

„И каждый вечеръ городъ загорается и Его ждутъ.“

Это ждутъ Его—короля!“

Король—вѣдь, это ты мой одинокій мечтатель, вѣдь это для тебя зажигаются фонари и трепещутъ электричествомъ тѣни многоэтажныхъ домовъ и пляшутъ на улицахъ силуэты городскихъ шумовъ! Для тебя, вѣдь, не даромъ Гуро изнываетъ восторгомъ: „сколько сегодня въ городѣ написали стиховъ! въ сколькихъ квартирахъ для этого зажигали лампы“...

Мечтатель, ты поэтъ Судьбы, не мелочно капризной, подкупной судьбы, а той, которую Гуро пишетъ всегда съ большой буквы—Судьбы, говорящей о трагической красотѣ міра черезъ окружающія, каждодневныя вещи. Такъ вотъ почему такъ значительны у Гуро каждодневныя вещи, вотъ почему, когда читаешь ее, вспоминаешь скупыя слова Метерлинка, поэта такого далекаго Гуро, но все же поэта Судьбы съ большой буквы. Оба они идутъ по путямъ, ведущимъ отъ видимаго къ невидимому, оба на грани молчанія, на грани того каждодневнаго міра, за которымъ предразсвѣтное, молчаливое царство духовности.

Разные, непохожіе, но все же, читая одного вспоминаешь другого.

— Весь свѣтъ нашихъ душъ разобьется объ одну маленькую ложь,—пишетъ гдѣ-то Метерлинокъ, а его Аглавэна, когда пытается сказать, что то глубокое, правдивое, говорить руками, глазами, душой, ищетъ своего голоса, вотъ совсѣмъ какъ Гуро. У обоихъ все обычное, но не поруганное, неоскверненное охраняетъ такъ значительно и глубокомысленно свой таинственный смыслъ...

Судьба у Метерлинка это—сцѣпленіе роковыхъ намѣреній и великихъ случайностей, у Гуро она властвуетъ въ мірѣ умираній, страданій, концовъ и началъ,—въ мірѣ великой, великой необходимости.

— Истинная жизнь въ умноженіи печалей—пишетъ тайновидецъ; о сіяніи и блаженствѣ боли, о любви, разрывающей сердце, о любви, сліянной со страданіемъ говорить ясновидящая...

Застѣнчивая и безкрайне мягкая, овороженная музыкой своихъ экстазныхъ прозрѣній, средь одинокихъ сосенъ, осіянныхъ золотыми радужными зорями, Гуро—въ неустанномъ исканіи своего голоса. Въ „Шарманкѣ“, первой книгѣ ея рассказовъ, застѣнчивость и какое то душевное цѣломудріе заставляли ее скрывать сокровенность ея материнскихъ тревогъ, ея материнскихъ напѣвныхъ сказаній. Въ болѣзненной застѣнчивости борется она со своимъ голосомъ и если побѣждаетъ онъ, если звучитъ, то заглушенный этой борьбой, сдавливаемый въ

тискахъ чужой для нея формы, которой она такъ тщетно пыталась овладѣть. Но только въ „Осеннемъ снѣ“ и „Небесныхъ Верблюжатахъ“ плотина освященныхъ словъ и озаконенныхъ формъ была снесена ея голосомъ, ея настоящими словами...

Для начетчиковъ всяческихъ поэтическихъ становъ, для мастеровъ литературнаго ремесла, прошедшихъ ремесленные классы подъ руководствомъ опытныхъ майт'овъ, для ювелировъ, въ этихъ книгахъ такъ много оспоримаго, неприемлемаго, азбучно-неграмотнаго съ точки зрѣнія каноновъ формы. Но въ этихъ трепетныхъ, текучихъ и живыхъ словахъ, въ этихъ беспомощныхъ, застѣнчиво-нѣжныхъ строкахъ, въ этомъ царствѣ кажущагося безформія, поразительное совпаденіе сокровеннаго и внѣшняго, необычная красота внутренняго строя, лиризмъ громаднаго напряженія. Какъ же иначе могла писать Гуро, какую другую форму могла найти эта ясновидящая съ необъятной ласковостью къ своему взрослому дитяти—міру? Какъ же могла не говорить она руками, глазами, душой?..

Теперь, послѣ смерти Гуро, многіе приносятъ на могилу поэта свое запоздалое признаніе. Съ ней поистинѣ случилось то же, что и съ ея простодушнымъ мечтателемъ, умиравшимъ въ толпѣ насмѣшниковъ. „Рыцарь! какъ погремущку, ему это вернули теперь, когда онъ все равно слегъ и умиралъ. Ну, на послѣдокъ пусть поиграетъ бѣднякъ своей мечтой“.

И не ея ли это предсмертныя слова:

Я не рыцарь, вы образумили меня; теперь я уже не безумецъ—гордецъ,—я просто Алонзо Добрый...

Но звучать побѣдныя слова молитвы: нѣтъ, я живъ всегда, моя дорога дальше, дальше...

Изъ вѣка въ вѣкъ по пыльнымъ дорогамъ жизни проходитъ Онъ, Рыцарь Печальнаго Образа, Лучезарный Мечтатель, проходить, влекомый все дальше и дальше трепетаніемъ невѣдомыхъ крыліевъ красоты, распростертыхъ надъ міромъ. Посланецъ Судьбы, пѣснопѣвецъ, экстазомъ вдохновенія пробуждающій оскверненный міръ къ жизни, запечатлѣваетъ онъ великую красоту душъ человѣческихъ.

И въ молитвенныхъ звукахъ его пѣсенъ рождается та Земля, имя которой—Искусство.

Викторъ Ховинъ.

Финляндія. Лѣто 14 года.

Открыта подписка на 1915 г. (3-й годъ изданія)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“.

12 книгъ. 4 р. въ годъ.

Журналъ „Съверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ:

Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, Г. М. Викерманъ, Г. М. Брюсова, А. С. Бѣлоруссовъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Буяинъ, В. В. Водозовъ, Ив. Вольный, В. К. Вольскій, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Н. Л. Геккеръ, Н. Гумилевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, А. Дерманъ, Ю. Делевскій, В. И. Дзюбинскій, В. М. Жирмунскій, Вор. Зайцевъ, Д. О. Заславскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, проф. Ф. Э. Зелинскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Караянидись, В. Керженцевъ, А. А. Кипень, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Э. Керенскій, С. А. Клычковъ, М. А. Кузьминъ, Н. Клюевъ, Григ. Ландау, проф. И. И. Лапшинъ, О. Я. Ларинъ, Лаврентьева, Н. О. Лернеръ, К. А. Линскеровъ, С. О. Марголинъ, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добровольскій), Н. В. Недоброво, Н. А. Нилусъ, Новиковъ-П. К. О. Оберучевъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, Н. Н. Пуниъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. Б. Румеръ, А. И. Рубинъ, Борисъ Садовскій, Я. П. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, Н. М. Соколовъ, В. Б. Станкевичъ, Янъ Страуянъ, Е. Сталинскій, Э. А. Степунъ, И. Сургучевъ, В. А. Табуринъ, М. Л. Толмачева, И. Треневъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугендхольдъ, Польфаргъ (Парижъ), С. Франкъ, Л. Б. Хавкина, С. И. Чацкина, М. С. Шашнякъ, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, П. Б. Шимановскій, Б. М. Эйхенбаумъ, М. А. Энгельгардтъ, Б. М. Энгельгардтъ, А. П. Чапыгинъ, В. Н. Чернецковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, В. Яковенко и др.

Подписная цѣна на журналъ съ пересылкой на годъ, 4 руб., на 6 мѣс.—2 руб. 50 к., на 3 мѣс. 1 руб. 25 к., за границу на годъ 6 р. 50 к. Подписка принимается: въ главномъ конторѣ журнала Петроградъ, Загородный пр., 21. Конт. „Съверныхъ Записокъ“—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

При годовой подпискѣ на 10 экземпляровъ—II-й безплатно.
Отдѣльные номера для ознакомленія высылаются по 60 коп.

Издательница О. И. Чацкина.

И-во „Очарованный странникъ“.

АЛЬМАНАХИ ИНТУИТИВНОЙ КРИТИКИ И ПОЭЗИИ.

Содержаніе выпуска перваго (ноябрь).

В. Ховинъ. Фанатикъ въ пурпуровой мантии.—Д. Крючковъ. Демимонденка и Лѣсофѣя (И. Съверянинъ).—Нелейнинъ. „Бѣсы“ Достоевскаго и „бѣсы“ Горькаго.—П. О. „Pour epater les bourgeois“. Вѣхинъ. „Все-россійскій Литераторъ“. (Распроданъ).

Содержаніе выпуска втораго (декабрь).

СТИХИ: Федора Сологуба, Игоря Съверянина, Дмитрія Крючкова и В. Солнцевоѣ.
СТАТЬИ: Винторъ Ховинъ. Силуэты русскаго декаданса. I. Печальный пилигримъ-предтеча.—Д. Крючковъ. Церковь въ Листвѣ (Ф. Жаммъ).—Чеботаревская. По поводу нѣкоторыхъ юбилеевъ.—М. Бабенчиковъ. Волшебство внезапное.—Газтанъ. Очередное недоразумѣніе. Библиографія.

Содержаніе выпуска третьаго (январь).

СТИХИ: З. Гиппиусъ, Игоря Съверянина, Рюрина Ивнева, Дмитрія Крючкова, Вадима Шершеневича, М. Струве и кн. Шахназаровой.
СТАТЬИ: Винтора Ховина—Мѣдь гремящая и кимваль звучащій, Дмитрія Крючкова—Критикъ-интуитъ (И. Анненскій). Памяти Игнатьева. Библиографія.

Содержаніе выпуска четвертаго (весенняго).

СТИХИ: Игоря Съверянина, Дмитрія Крючкова, Рюрика Ивнева и М. Струве.
СТАТЬИ: Нелейнина—Лимонадная Симфонія, Винтора Ховина—Поэзія талыхъ сумерекъ (И. Анненскій), Овѣнелдъ—Религія иллюзии (А. Блокъ), С. Вермель—Театральное дѣйство.

Цѣна 35 копѣекъ.

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петрограда и въ книжн. маг. Вольфа, „Образованіе“ и Карбасникова въ Москвѣ.

Адресъ издательства: Невскій пр., д. 160, кв. 2. Тел. 45—90. В. Р. ХОВИНЪ,